

УДК 1(476)(091)

Б.М. Лепешко

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: БЕЛОРУССКИЙ КОНТЕКСТ

В статье, рассматриваются некоторые специфические для белорусского геополитического, интеллектуального пространства категории, высказывается критическая оценка в отношении ряда из них, предлагаются альтернативные варианты решения философско-исторических проблем.

Достаточно часто звучит мысль о том, что исторически положение Беларуси – «промежуточное». Некоторые российские, белорусские исследователи [1] защищают ту точку зрения, согласно которой «промежуточность» касается всей системы национальных координат, как временных, так и пространственных. То есть Беларусь постоянно находилась и находится «между» Востоком и Западом, католицизмом и православием, русским и польским языком и т.д. А такое положение нельзя назвать ни постоянным, ни комфортным, рано или поздно необходимо сделать выбор. «Промежуточности» придаётся столь большое значение, оно столь часто фигурирует в теоретических работах, университетских учебных пособиях, школьных учебниках по истории, что вполне может претендовать на некую «парадигму знания».

Здесь можно выдвинуть такие аргументы, оспаривающие данное, вроде бы бесспорное суждение. Даже если принять за основу тезис о «промежуточности», то, очевидно, этот термин нуждается в безупречном определении, со всем необходимым набором существенных черт. Есть ли такие черты у «промежуточной» Беларуси, её исторического пути? На наш взгляд, таких черт нет. Что, «колебание» между православием и католицизмом, Востоком и Западом – это и есть существенные черты «промежуточности»? В таком случае под определение «промежуточности» может попасть любая из сопредельных стран. Что, Россия «не колебалась»? Ещё как достаточно вспомнить известнейший спор между славянофилами и западниками. А, например, точку зрения знаменитого философа В. Соловьёва, призывавшего к новой экуменической теории и практике и, по преданию, перед смертью принявшего католичество, можно вполне представить как реальное и блестящее воплощение «промежуточности». Его же предшественник П. Чаадаев со своими эпатазирующими «Философическими письмами» может квалифицироваться как теоретический предтеча «промежуточности».

Но дело не только в России. Откроем, скажем, книгу современных польских историков, которая называется «История Польши с древнейших времён и до наших дней». Читаем в авторском посвящении читателям: «мы составляем частицу более чем тысячелетней истории европейского народа, веками жившего между двумя могучими стихиями – германской и великорусской, между двумя великими центрами культуры» [2]. То есть, вроде бы та же самая «прамежжавасць»? Констатация та же, вот только выводы другие: не говорится о том, что это свидетельство «особого национального статуса», речь о том, что данное положение вещей было причиной формирования «особой души» польского народа. На «промежуточности» вообще проблема не заостряется.

Разговоры о «промежуточности» у нас – ненужные разговоры, поскольку нет «промежуточных» наций и таких же народов. Возможно, гораздо вернее констатировать, что «промежуточность» на деле есть «неопределённость», «неоформленность», становление, а не нечто установившееся. Намного более верным является в контексте

данных рассуждений понятие «мост», которым так же оперируют исследователи. Беларусь – «мост» между известными силами притяжения, эта формулировка не вызывает возражений. Метафорически можно утверждать, что любая страна – своего рода «мост» между соседями, и такая постановка вопроса даёт возможность почувствовать целостность истории, а не её разобщённость. В частности, гродненские исследователи в упоминавшейся фундаментальной монографии справедливо отмечают, что Беларусь всегда ощущала себя не центром, а неким буфером, краем. «Беларусь – это «коридор», «транзит», «мост» между цивилизациями, «окраина», страна, находящаяся на стратегическом перекрёстке...» [3]. Сравните: «перекрёсток», «мост» и «промежуточность» – это всё же не синонимы.

Когда утверждают «промежуточный» статус исторического пути страны, то, очевидно, исходят из благородной цели каким-то образом обосновать очевидное: трагически более позднее социальное, интеллектуальное «взросление», долгую неопределённость цивилизационного выбора, несамостоятельность, коренящуюся и в отсутствии национального государственного образования, и зримых проявлениях духовного творчества. Цель, может, благородная, а вот средства таковыми назвать нельзя. Поскольку само понятие «промежуточности», применённое к стране, народу, сознательно или нет, искажает суть вещей, мало того, дезориентирует исследователей. Почему? Например, в связи с тем, что метафизические рассуждения относительно таких категорий, как Восток, Запад, Север, Юг, – искусственны с точки зрения белорусской нации, хотя бы потому, что сам спор ей навязан, сами категории искусственны для людей, для которых на первом месте иные вещи и процессы. В данном случае не имеет значения, какое содержание вкладывается в категории «Восток», «Запад» и иные: сами категории не имеют никакого предметного содержания для нации. Вот, например, можно услышать рассуждения, что «Беларусь доўгі час захоўвала сваю прамежкавасць і канчатковую недалучальнасць ні да Захаду, ні да Усходу» [4]. Мало того: исходя из этого тезиса, необходимо менять «модели»: «модель» Запад-Восток на «модель» Север-Юг. Следует взять слово «модель» в кавычки потому, что это исключительно соображения позднейших аналитиков, не имеющих никакого отношения к реальному процессу исторического развития и его осмыслению. То есть если Пётр Чаадаев, например, был «укоренён» в процесс цивилизационной самоидентификации и потому его «Письма» читаются не как «диссертация», а как кровоточащие откровения, то для позднейших аналитиков в нашей стране прошлое всего лишь «модель». Сколько этих моделей может быть и каковы они по сути – здесь возможен подлинный разгул творчества и фантазии. Кстати, в цитируемой нами работе минских учёных признаётся, что «нават да XX стагоддзя ў Беларусі не было адпаведных цэнтраў гуманітарных даследаванняў» [5]. Центров не было, а вот моделей появилось достаточно много. Необходимо только уточнять, что все «модели» не имеют никакого отношения к той реальной жизни, которой жили наши предки последние столетия.

«Промежуточность» (если принять, условно, этот термин) есть следствие государственной, интеллектуальной отсталости, и об этом надо говорить прямо. Если прибегнуть к аналогии, то какого человека можно назвать «промежуточным»? Очевидно, того, кто не определился, не сформировался, не заявил о своих предпочтениях. Нация, которую терзали на части со всех сторон, может быть названа «промежуточной» только в этом смысле. А все иные разговоры – лишь форма маскировки истинного положения дел.

Проблему «промежуточности» («прамежкавасці» – не самый удобный, кстати, термин) можно решить, например, таким способом: согласиться, скажем, с М. Кояловичем в части понимания нашей истории как истории «Западной Руси». Тогда всё встанёт на свои места и ни о какой «промежуточности» и речи быть не может. Но к концепции М. Кояловича мы ещё вернёмся, в том числе и в контексте пресловутой «промежу-

точности». Кстати, в этом аспекте для сторонников альтернативной точки зрения приемлема апелляция к пониманию нашей истории как истории «ВКЛ-ой» (читай европейской). Об этом, кстати, достаточно много говорится, и мы приводили соответствующие цитаты. Но ведь апелляция к ВКЛ (Европе) снимает саму идиологему «прамежжавасці», поскольку нет никакой «прамежжавасці», а есть единая Европа с богатством национальных особенностей стран, в неё входящих. То есть как концепция М. Кояловича, так и идиологема, основанная на том, что наша история – единая история ВКЛ, снимают и дезавуируют феномен «прамежжавасці», с разных, естественно, методологических, мировоззренческих позиций.

Категория «промежуточности» основывается не на реальных процессах, а всё на той же «модели», суть которой заключается в попытке оправдать историческое существование страны, в малой степени реализовавшей и свою мечту о собственной государственности, и недостаточно полно доказавшей свою духовную состоятельность. Да, звучит не очень приятно для «национального уха», но во всяком случае без излишнего манипулирования абстрактными категориями, говоря проще, без обмана.

**

Вернёмся к понятию «модель» применительно к геополитическому положению страны и перспективам её развития. Сразу же надо оговорить два положения. Первое из них: работ концептуального характера по поводу неких моделей исторического развития страны, их сущности, иерархии и т.д. у нас, насколько известно, нет. Второе положение: понятие «модель» «привязывается», как правило, к пресловутой теории «прамежжавасці», промежуточности.

Обратимся к точке зрения одного из белорусских авторов [6], в которой аргументируются метафизические предпосылки нахождения Беларуси между Западом и Востоком, а также возможность рассмотрения положения страны по оси Север – Юг.

Слово «метафизические» здесь употреблено исключительно в силу сложной терминологии, применяемой автором, как правило, схоластического свойства. Если же по существу первой дихотомии, дихотомии Восток – Запад, то исследователь на первое место ставит географический фактор. То есть «промежуточный» статус страны объективен по причинам природно-ландшафтного характера. Здесь и «главный европейский водораздел», и «истоки крупнейших европейских рек», как вывод, «падобныя водаразды і вытокі буйных рэк азначалі яшчэ й адмысловы сакральны статус гэтай зямлі» [7]. «Сакральный статус» вообще комментировать не будем: и потому, что автор деликатно обошёл эту проблему, и потому, что тёмное это дело.

Далее говорится о том, что Беларусь дорого заплатила за своё геополитическое положение: имеются в виду многочисленные жертвы в результате войн, набегов и столкновений иного характера. Здесь же упоминается (без аргументации) положение о том, что Беларусь до сих пор остаётся «зоной консервации староевропейской архаики». Вывод: положение между Западом и Востоком в качестве «промежуточной» инстанции не помогло процессу идентификации, поэтому надо обратиться к оси Север-Юг.

Оппозиция Север – Юг, по мнению автора, «фундаментальная», «более реалистическая», даже «аутентичная». Однако почему, по каким основаниям – исследователь ответа не даёт, ограничиваясь туманными аналогиями политологического характера.

Здесь стоит приветствовать попытку хотя бы в такой, ограниченной форме задуматься над философско-историческими (в частности) судьбами Беларуси. Безусловно, для детального разбора предложенной точки зрения нет материала, не ясно, в частности, каким образом модель Север – Юг может быть применена к рассматриваемым проблемам. Но есть смысл прибегнуть к следующим комментариям.

Исходный посыл – «прамежжавасць» – представляется ложным. Это – фактор второго, третьего порядка. Несложно привести десятки примеров, когда народ, страна находятся «между» геополитическими центрами, «между» реками, морями, океанами, конфессиями, но, однако, сводить весь процесс к этой констатации – значит заранее считать наш народ недееспособным.

Чтобы решить проблему, возможны разные варианты действий (методологический алгоритм). Скажем, алгоритм критического порядка. Почему бы, например, не попробовать «примерить» некоторые из популярных теоретических схем к нашей истории. Скажем, цивилизационный подход в редакции А. Тойнби. Или попробовать «привязать» к нашему региону теорию культурно-исторических типов Н. Данилевского. Или теории О. Шпенглера, П. Сорокина. Или подумать о возможности применения идей Вл. Соловьёва, в частности, его теократических идей. Говорю об этом и для того, чтобы иметь аргументированную возможность отметить неверное, то есть речь может идти не об «апологии», а о «критике». Но этой критики мы, кстати, не замечаем до сих пор. Кстати, точно также отсутствует аргументированная критика марксистских подходов. Хорошо бы услышать не просто «мянушкі», вроде «каланіялізм», а достойную теоретическую «отповедь» марксистским «измышлениям».

Сложнее с алгоритмом позитивного характера. Здесь остаётся ждать теоретических откровений.

**

Проблема: культурная традиция и философия. Очевидно, что рассмотрение философских идей, жизни того или иного мыслителя вне культурного контекста немислимо. Это – понятно. Вопрос можно поставить в несколько ином аспекте: возможна ли ситуация, когда мыслителя фактически невозможно «обособить», «вычлениить» из культурного процесса?

Для того чтобы была более понятна постановка вопроса, обратимся к примерам. Вот, скажем, столь уважаемый Владимир Соловьёв, классик национальной и мировой философской мысли. Между прочим, избранный в 1900 году в Академию наук действительным членом по разряду изящной словесности. То есть связь Соловьёва-философа с Соловьёвым-художником столь прочна и столь естественна, что искать иные аргументы нет необходимости. Все понимают: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899 г.) – это и глубокое философское исследование, и культурное достояние нации.

Но у мыслителя есть труды, где общекультурные мотивы, традиции отступают на второй план, а на первом месте – собственно философское поле исследования. То есть то, что традиционно квалифицируют как проблемы гносеологии, онтологии и т.д. Это – налицо, то есть мы можем, если захотим, увидеть в Соловьёве «чистого» философа.

В белорусской интеллектуальной традиции до второй половины XIX века говорить о «чистой» философии («чистой», в смысле имеющей свою, чётко обозначенную предметную область) невозможно, поскольку она фактически отсутствует. Исследователи, которым данная констатация не нравится, которые относятся к таким утверждениям критически, выдвигают формулу, основанную на «практиках мышления». То есть да, соглашаются они, таких развёрнутых текстов, как платоновские и сократовские размышления, своей «Суммы теологии» и разного рода «Критик» мы не создали, зато можем достаточно уверенно говорить о «практиках мышления». «Практики мышления» в данном контексте – все тексты, чаще всего общекультурного содержания, которые можно представлять как тексты рефлексивные, а потому философские. Скажем,

работы крупных писателей, поэтов. Публицистические произведения и глубокомысленные эссе.

Но на этом вопросы, связанные с традицией, не заканчиваются. Вновь говорится о «прамежкавасці», поскольку «простору нашай традыцыі думкі мы можам ахарактарызаваць як прастору сутыкнення цывілізацый с заходнелацінскай і праваслаўна-еўразійскай, сутыкнення, якое прыводзіць не да разлому альбо правалу, а ўтварае адмысловую канфігурацыю цывілізацыйнай накладкі» [8]. Сразу же возникает такое чувство, что пресловутая «промежуточность» – некий спасительный круг, который бросается утопающему всякий раз, когда он глотнёт забортной воды. Ведь странно получается: та цивилизация, которую мы называем «западно-латинской», создала свои выдающиеся образцы философской мысли. Нечто похожее, но существенно позже создано и «православно-евразийской» цивилизацией. А вот мы ничего не создали. Или создали «практики мышления». Почему? Потому что «промежуточные». Ложный посыл, ложный тезис. Почему он возникает, понятно: речь идёт о поисках идентичности, пресловутой идентичности, без которой и мы не мы, и история наша – не наша, и достижения наши трудноуловимы. «Промежуточность» как форма овеществления идентичности – спорная, как минимум, формула.

Здесь вообще возникает коллизия, решение которой трудноосуществимо. В самом деле, первый тезис звучит так: мы – особенные, мы обладаем идентичностью. Что ж, примем это за рабочую гипотезу. Но звучит второй тезис: мы «промежуточные», для нас наше культурное состояние может квалифицироваться как «накладка», мы имеем опосредованное отношение к культуре западной и восточной, то есть православно-евразийской. Тогда возникает закономерный вопрос о специфике нашей «самости», а вот здесь и начинаются специфические трудности. Потому что специфика эта не выявляется, не прослеживается, а потому начинаются спекуляции с помощью «практик мышления». Да и соотношение понятий «идентичность» и «промежуточность» вызывает вопросы с точки зрения требований формальной логики, в частности законов противоречия и достаточного основания.

Почему и на основе чего возникают споры относительно национальной принадлежности того или иного культурного деятеля, философа на территории современной Литвы, Украины, Беларуси, частично – Польши? Именно на основе пресловутой «промежуточности». Что вообще может возникнуть на основе «промежуточности»? Здесь возможно двоякое развитие сюжетов: либо продолжается поиск идентичности на основе «промежуточности», либо апробируется известная мысль о том, что наша цивилизация – восточнославянская, и тогда всё встаёт на свои места.

Скажут: а как же со строительством национального государства, необходимостью понимания своей идентичности? А что, государству этому самому будет намного легче существовать на основе понимания собственной «промежуточности» и такой же «идентичности»? Странное тяготение к крайним формам выражения своей самости. Белорусское национальное государство самым фактом своего появления в XX веке прекратило все спекуляции относительно статуса «промежуточности»: нет никакой «прамежкавасці», есть реальный исторический факт.

Возникает и такой вопрос: можно ли формировать, изучать «локальную историю» мышления, то есть национальную по сути философскую, историческую, правовую, политическую мысль вне мирового (западного) контекста? Ведь все мы действительно «выросли» на Аристотеле и Платоне, Канте и Гегеле. Ответ, который в ряде случаев даётся, звучит так: Аристотеля и Гегеля надо брать, но «браць іх як «лакальныя» падзеі, а іх універсальнасць (у Заходнім каноне) звязаць не з іх універсальнай прыродай, а з пэўнымі гістарычна лакалізаванымі практыкамі «універсальзацыі», практыкамі уласна стварэння канона, – а сам канон разглядаць як гісторыка-культурны

продукт» [9]. То есть, «канон» Аристотеля и иже с ним есть лишь один из культурных продуктов, «локальность» Аристотеля – явление того же порядка, что и иные «локальные» культуры, универсальность тогда имеет смысл, когда увязана с историческими проявлениями национального духа. Непонятно только, почему нельзя связывать «их универсальность» с их «универсальной природой». Мысль сформулирована нечётко, поскольку основывается на таких нечётких категориях, как «практики универсализации», «практики мышления» и т.д.

Не учитывается, что «западный канон» мысли, представленный гениальными умами, не потому универсален, что универсальна западная цивилизация, а в связи с тем, что в работах мыслителей «западного канона» представлены универсальные поиски человеческого духа. Мало того, что они представлены, они получили адекватное воплощение в концепциях, трудах, прозрениях. Есть не только вопросы, но и ответы.

Но речь не только о западной цивилизации и её духовных, в том числе философских, достижениях. Есть образцы более близкой нам (ментально) цивилизации, цивилизации восточнославянской. Почему нам духовно более близок Владимир Соловьёв, нежели, например, его современник, Огюст Конт? Да потому, что духовные поиски Владимира Соловьёва легко ложатся в канву наших собственных духовных поисков. Скажем, вместо пресловутой «прамежкавасці» – изучение экуменических процессов и поиск основ для будущего сближения христианских конфессий. Ведь насколько это для нас актуально! (Кстати, попутно замечу: «национально ориентированные» философы предпочитают цитировать С. Кьеркегора, но не В. Соловьёва, Ф. Ницше, но не А. Лосева. Ну, как же – «Европа»). Далее, вместо «болтания» между «западным» и «восточным» канонами – соборность, «всеединство», софийность, теократия. Вместо особенной идентичности – восточнославянская идентичность. При всех особенностях и всей региональной специфике.

У нас поиски основ для убеждения самих себя в собственной идентичности приняли ненужную форму духовного самоистязания. Чтобы убедиться в этом, приведём цитату из книги мыслителя, которого позиционируют как «первого белорусского национального философа», это – И. Абдиралович. Мыслитель пишет: «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Зах. Эўропы. За ўвесь час нас пачалі зваць цёмным дзікім народам». И далее: «І народ застаўся жыць сам па сябе: духовым жыццём – з ідэаламі і пераконаннямі паганскай веры, гаспадарчым – з прадпрадвечнымі праладамі земляробства: сахой, драўлянай бараной, цэпамі і жорнамі, у тым вечным бары, аб каторым так жудасна пяе наш беларускі паэт» [10]. В принципе против сказанного возразить нечего, цитата действительно подтверждает, что отношение к народу как к «тёмному и дикому» было распространено повсеместно (достаточно вспомнить работы А. Богдановича [11] и М. Кояловича [12]). Да и констатация «жудаснасці» песен говорит о многом. Но вот что интересно. Приведя эту цитату, один из авторов «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси» (том 1) делится таким наблюдением. И. Абдиралович прав, однако «станаўленне вобраза Беларусі ў айчынай грамадска-палітычнай думцы XIX–XX ст. з'яўляецца той перадгісторыяй, якая менавіта ў рэчышчы рэканструкцыі этнагенезу стратэгіі напісання гісторыі філасофіі Беларусі становіцца важнай часткай не толькі гісторыка-філасофскага даследавання, але і канцэптуальнай праграмы ўдасканалення яго метадалагічнай парадыгмы» [13]. Сложно понять, что здесь главное: то ли поиск особенностей становления философской мысли страны уже в XX веке, то ли поиск парадигм методологического характера, то ли что-то третье. Да и ясность относительно «методологической парадигмы» у упомянутого автора отсутствует.

**

Теперь обратимся непосредственно к небольшому и принципиальному эссе белорусского автора начала XX века И. Абдираловичу, которое называется «Адвечным шляхам». Интерес к нему обусловлен тем, что рядом исследователей это эссе позиционируется как первая самостоятельная работа белорусского автора по философии. Другими словами, по их мнению, это оригинальный белорусский философский проект. Предвосхищая вывод, скажу главное: действительно, многие идеи современных белорусских авторов, тяготеющих к специфически национальной интерпретации белорусской культуры, носят характер резюме из рассуждений И. Абдираловича.

Начать, видимо, надо с того, что объём работы – около 40 страниц – вряд ли позволил автору выразить свои взгляды системно. Впрочем, как это очевидно, дело не в количестве страниц. Дело в тексте, который действительно решает всё. Надо заметить, что текст данного эссе вполне может быть зачислен в число работ, предметом которых является философия истории, поскольку одним из основных вопросов автора был вопрос о «духе» белорусского народа в контексте его исторической судьбы.

Эссе начинается с парадоксальной констатации: да, действительно, «у нас неакрэслена культура, у нас смутныя гістарычныя шляхі», однако это вовсе не значит, что данное утверждение свидетельствует о «духовай беднасьці нашага народу». Если белорусский народ не сотворил выразительной культуры, то не потому, что был беден, а в связи с тем, что «у гістарычнай спадчыне яго была вялікая трагедыя народнаго духу» [14]. Странная логика: речь ведь не идёт о причинах сложившегося положения вещей в культуре, речь о самом положении вещей. Но вместо того, чтобы зафиксировать очевидное, нам предлагается классическая подмена тезиса. То есть, бедность налицо, но вопрос не в бедности, а в причинах этой бедности.

Основной причиной такой бедности, между тем, явилось «дзесяцівяковае ваганьне» между Востоком и Западом. Однако и здесь логику в рассуждениях автора найти трудно. Он пишет, и об этом уже упоминалось выше: «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Зах. Эўропы. За ўвесь час нас пачалі зваць цёмным, дзікім народам» [15]. Получается, что нас начали звать «тёмным и диким народом» потому, что мы не склонились ни к культурному Востоку, ни к культурному Западу. А, может, всё намного проще? Нас стали так называть потому, что действительных, реальных достижений в культурном строительстве, творчестве мы не продемонстрировали?

Но, убеждает нас И. Абдиралович, «потеряв» возможности, связанные с достижениями западной и восточной культур, наш народ не потерял главного: «незалежнасьць свайго духу». И опять парадокс: реальные проявления этого «духа» обнаружить сложно, но мы идём правильным путём, поскольку ищем свою дорогу, свой путь. То есть специфика пресловутого «национального духа» заключается в поисках своего пути.

Перед нами типичная мифологема, чрезвычайно приятная для национального самолюбия: да, мы бедны, да, ничего за душой не имеем, но у нас светлое будущее, поскольку существует некий «дух», который поможет преодолеть нам все трудности. Чем-то этот подход напоминает, с одной стороны, славянофильские утопии россиян, пытавшихся аргументировать свою «особость» и «величие» сугубо абстрактным образом. С другой стороны, подобные утопические подходы прекрасно «расписал» В. Короткевич, особенно в образе погибающего романтического и светлого юноши в повести «Дикая охота короля Стаха».

Но суть не только в строительстве мифологемы. Речь и о поисках методологической константы для осмысления белорусской истории. И такой константой выступает та же «прамежкавасць»: «Ваганьне паміж Захадам і Усходам і шчырая няпрыхільнасьць ні да аднаго, ні да другога зьяўляецца асноўнаю адзнакаю беларускай гісторыі» [16].

Эта черта – колебание – белорусская интеллигенция (элита) сохранила по сей день, и именно эта черта позволяет рассмотреть нашу историю с принципиально иных (неклассических, как сегодня говорим мы) методологических позиций. Ибо колебание – альфа и омега нашей истории. Колебались между православием и католицизмом, Москвой и Варшавой, богами «паганскімі» и христианскими. Этому колебанию сопутствует «колебание» наших границ. Так продолжалось до XX века, и теперь белорусы, по мнению автора, готовы к строительству нового общества на основе общечеловеческих идеалов.

Так и хочется возразить И. Абдираловичу: но ведь реальных проявлений этого «духа», этих «идеалов» нет и поныне. Пресловутое «ваганьне» можно ведь рассмотреть и в ином ключе: как отсутствие убеждений, нецивилизованность, интеллектуальный сон, впрочем, шире: сон культурный. Ждать от народа некоего взрыва, конечно, можно, и можно ждать многого: как духовных подвигов, так и материальных достижений. Но для такого рода ожидания нужны основания: где они?

Ведь тот факт, что до сих пор белорусский народ «не ставит» ни на Восток, ни на Запад, не означает, что у нас «в себе» существует некий закон, новое звёздное небо и новая нравственность. Вполне может быть, что просто нет ничего, – вот и колебания.

В эссе И. Абдираловича далее характеризуются ментальные типы «восточника» (великоросса) и «западника», эти оценки во многом справедливы. Скажем, великоросс любит крайности, перевернуть всё «вверх ногами» – это в его национальном характере от Петра Великого до деятелей марксистского Интернационала. Он предполагает, что в мире есть правда, и пытается её определить. На Западе, наоборот, в основе менталитета лежит борьба с крайностями. Идея на Западе ограничивается компромиссами, тогда как на Востоке её реализация принимает радикальные формы. Причём для Востока автор находит известный термин – «москаль», для Запада такого уничижительного термина нет.

Очень актуально, справедливо звучат слова И. Абдираловича о том, что «Усход не прызнаваў нас як беларусаў, а вымагаў ад нас свайго ўсходняга выгляду, які быў абавязковым» [17]. События весны и лета 2009 года, например, когда разразился «молочный» и иные кризисы между Россией и Беларусью, во многом свидетельствуют о правоте слов исследователя. Причём спасения от «давления Москвы» трудно ждать и на Западе: он (Запад) шёл к нам с доброй улыбкой, пишет автор, но действия его были прагматичными и жёсткими: «Яго пацалункі сведчаць не толькі аб прыхільнасці, але і аб магмычасці здрады» [18]. Ни с Востока, ни с Запада белорусу спасения ждать не приходится.

Так куда же деваться белорусу? Искать свои «формы жизни», считает автор, и здесь с ним вполне можно согласиться. Это – поиск форм жизни – универсальная формула, пригодная для рассмотрения не только в наших национальных условиях существования. Правда, спектр мнений относительно содержания этих «форм жизни» достаточно широк, и говорить об идейной консолидации не приходится до сих пор.

Завершая этот краткий анализ, заметим: перед нами действительно текст, оригинальные рассуждения о сути и предпосылках национального бытия. Однако основная мысль, связанная с определением специфики национальной жизни через призму таких категорий, как «ваганьне», колебание, «прамежкавасць», промежуточность и т.п. термины, неприемлема. На наш взгляд, ситуация не в колебаниях и нахождении в странной «прамежкавасці»: дело в том, что мы действительно бедны, культурно и материально, и только XX век дал нам возможность заявить о себе в полный голос. А все эти «ваганьні» – лишь оправдания нашей слабости. Утешительные, но ложные. Причём – что важно – данный подход «закрепляется» в работах современных авторов. Скажем, один из них пишет: «У культурнай сьвядомасці народу гучаць дзве мэлэдыі, два лейтматывы: магутны класічны харал паганства і сумна-трагічны хрысьціянскі жалясьпеў» [19]. Первые «мелодии» звучат до XX столетия, вторые очерчены пример-

но в той же хронологической последовательности. Далее следуют стандартные рассуждения о «русификации» и «полонизации», и вновь остаётся открытым главный вопрос: что, «прамежкавасць» – это особый дар и особый статус нашего народа? Если так, то где доказательства? Доказательств, как правило, нет. Есть констатации, которые не убеждают.

Ещё одна цитата по этому поводу, очень показательная, «Беларусы захаваліся як нацыя менавіта таму, што ва ўсе часы польска-расейскага гістарычнага беспрасьвецця жылі не ў гісторыі, а ў Космасе» [20]. Что на это можно сказать? Апелляция или к Богу, или к Космосу – известная форма решения философско-исторических проблем, здесь нет ничего нового. Насколько она может убедить – иной вопрос. Во всяком случае, это уже вне сферы рациональности.

**

Почему же так упорно отстаивают представители ВКЛ-ой парадигмы национального духовного развития наше многовековое культурное, цивилизационное единство с этим государственным образованием, почему «настаивают» на том, что «гісторыя Усходняй Еўропы павінна разумецца як адзіная непадзельная агульная для беларусаў, літоўцаў, украінцаў» [21]? Ответ очевиден: в основе дистанцированность от русского культурного влияния, обоснование «самости» на основе ценностей западноевропейской, культурной традиции, словом, «Восточное партнёрство» в полный рост. Ведь можно спросить: почему в приведённой цитате отсутствует слово «русских»? По тем же основаниям.

Как на этот же вопрос отвечают иные исследователи? Скажем, профессор Ч. Кирвель сам себе задаёт тот же вопрос, в иной, правда, форме: почему мы столь настойчиво говорим именно о судьбе восточнославянской цивилизации в целом, а не об отдельных странах? И отвечает: «Невозможно разглядеть очертание и контуры дальнейшего пути развития белорусского общества, каким-либо образом предвидеть его будущее вне контекста анализа мировых интеграционных (и дезинтеграционных) процессов, не осмыслив и не уяснив характер и направленность исторического движения основных, локальных цивилизаций современности» [22]. Предполагается, что восточнославянская цивилизация и есть одна из «основных, локальных цивилизаций современности». Для исследователя это очевидно, в ряде случаев он постулирует тезис, не прибегая к развёрнутой аргументации. А вот для многих критиков этой «очевидности» очевидно, иное: контекст может быть исключительно ВКЛ-овский, а восточнославянская цивилизация – по сути, фантом. Она бы, может, и избежала такой характеристики, если бы из этой известной триады – Россия, Беларусь, Украина – можно было бы «незаметно» исключить первую составляющую часть. Но раз не получается, то и восточнославянской цивилизации нет и в помине.

Нельзя не отметить и своего рода «гносеологическую наивность», имеющую место в ряде случаев. Скажем, справедливо утверждая, что союз трёх восточнославянских государств объективен, основан на общих ценностях, истории, ментальности и т.д., некоторые исследователи полагают, что альтернативы этому нет, что только в таком союзе они могут сохранить себя и свою нишу в мире. Сам тезис абсолютно справедлив, вот только вряд ли стоит утверждать, что «альтернативы этому нет». Альтернатива есть, и программа «Восточное партнёрство» при всей своей внешней отстранённости от геополитических вопросов – тому прямое подтверждение. Есть альтернатива и в том, что наши земли – компонент не восточнославянской цивилизации, а «цивилизации великолитовской». Один из последних тому «общественных» примеров – публикация в газете «Комсомольская правда в Беларуси» ряда материалов под интригующим названием

«Сусанин водил в болота белорусов?» («КП», 9.07. 2009 и 16.07.09). Там помещены и обсуждаются всё те же известные фантомные откровения. Но вот что интересно: они, эти откровения, «углубляются», «расширяются». Скажем, появился такой аргумент: белорусы – «западники» вследствие того, что им присуще трудолюбие, которое составляет основу ментальности протестантов. Или: «нас отличают основательность и консерватизм, мы не склонны к быстрым решениям». Это тоже признак нашего «западничества». Такие аргументы множатся, и цель их прозрачна: продемонстрировать нашу органическую связь не с восточнославянским суперэтносом, а с западноевропейской цивилизацией. Со всеми политическими последствиями, понятное дело. Хотя аргументы: «нас отличает основательность и консерватизм», «мы трудолюбивы» – больше «привязывают» нас к цивилизации азиатской, точнее, японской, где и трудолюбие, и консерватизм, и основательность всегда были в чести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 72.
2. Дыбковска, А. История Польши с древнейших времён и до наших дней / А. Дыбковска – Варшава : ПВН, 1995. – с.V.
3. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения славянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под науч. Ред. Ч.С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2008. – С. 337–338.
4. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 100.
5. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 21.
6. Санько, С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі / С. Санько – Мінск : БГАКЦ, 1998.
7. Санько, С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі / С. Санько – Мінск : БГАКЦ, 1998. – С. 186.
8. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 37.
9. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 39.
10. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 11–16.
11. Богданович, А. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А. Богданович – Репринтное издание. – Минск : Беларусь, 2005. – 186 с.
12. Коялович, М.О. Чтения по истории Западной России. – Минск : Белорусская Энциклопедия, 2006. – 480 с.
13. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 66.
14. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 8.
15. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 8.
16. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 9.

17. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 15.
18. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 16.
19. Бабкоў, І.М. Вытлумачэньні руінаў / І.М. Бабкоў – Мінск : Логвінаў, 2005. – 142 с.
20. Бабкоў, І.М. Вытлумачэньні руінаў / І.М. Бабкоў – Мінск : Логвінаў, 2005. – 142 с.
21. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 132.
22. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения славянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под научной редакцией Ч.С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2008. – С. 233–234.

Lepeshko B.M. Philosophy of History: Belarusian Context

This article is the fragment of the forthcoming book, in which some categories, specific for belarusian geopolitical and intellectual space are considered; also critical evaluation with respect to some of these categories. Alternative solutions of philosophical historical problems are offered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.12.09